

«АННАЛЫ»

В СУДЬБЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ

О.В. Буркова

Буркова Ольга Викторовна — аспирант Института философии и права УрО РАН.

В начале 70-х годов в отечественной историографии появляется новое по своим веяниям историко-антропологическое направление, во главе которого становится советский историк-медиевист Арон Яковлевич Гуревич. Говоря об отличии этого направления от предыдущего исторического опыта в отечественной исторической науке, необходимо отметить то, что здесь производится некий перенос исследовательского интереса с изучения объективных и обезличенных процессов в истории (преимущественно разделённой на три основные области исследований: политическую, экономическую и культурную, которые практически не пересекались) к изучению индивидуальных проявлений действующих субъектов как носителей причин исторических изменений и событий. Недаром и в названии печатного органа этой школы мы видим слова «Человек в истории». Во главу угла исторического изучения становится Человек с большой буквы во всём многообразии его проявлений. Гуревич пишет об этом так: «...при изучении «субъективной стороны исторического процесса выявляется человеческая активность, воля индивидов и социальных групп, механизмы преобразования их реальных интересов в движущие побудительные мотивы к действию, каковыми они представляются им самим» [1].

Новаторство данного течения показало себя ещё с конца 60-х годов, когда «среди отечественных историков сформировалось направление, немногочисленные представители которого — специалисты по истории

средних веков и истории Возрождения — своими подходами к историческому исследованию, своим отношением к западной историографии и — не в последнюю очередь — своими общественно-политическими принципами и взглядами существенно отличались от общепринятых в советской исторической науке» [2]. Можно сказать, что в задачи этой школы входит своеобразная адаптация и привитие результатов исторического знания, полученного на Западе, к тому, что было наработано за эти годы отечественной историей, плюс ко всему попытки выразить своё собственное отношение к этому и заявление собственных открытий и новшеств на полученной почве.

В статье, посвящённой 10-летию выхода в свет журнала «Одиссей», Гуревич пишет: «Задача, которую мы решали с самого начала — показать читателю, что существуют новые направления гуманитарного знания, новые, может быть, не столько для мировой науки, сколько для нашей страны, историография которой на протяжении нескольких поколений развивалась в уродливых условиях изоляции от мировой исторической мысли. Мы стремились показать те сдвиги, которые произошли в исторической науке на протяжении XX столетия, и попытаться соотнести то, что мы делали и делаем, с тем, что сделано помимо нас, без нашего участия» [2].

Таким образом, подводя итог вышесказанному, отметим, что историческая антропология на первых порах носила характер адаптации, привития, гармонизации, синтезирования плодов западной и отечественной исторических науки. И, конечно, было бы непоследовательно умолчать о том, что помимо этого шёл интенсивный поиск собственных путей развития, разработка идейных и методологических оснований школы.

Возвращаясь к самому началу разговора в этой статье о своеобразии отечественной исторической антропологии и методов её работы, скажем, что акцент в таких исследованиях ставился на изучение документов не официальной, так называемой «высоколобой» культуры, а на документы, носящие бытовой, часто чисто практический характер. «Смысл человеческого поведения легче всего искать в таких исторических источниках, как автобиография, дневник, исповедь, воспоминания, лирика» [3]. И Арон Яковлевич не был одинок в таком его взгляде на характер исторических исследований.

Важным идейным источником, повлиявшим на становление отечественной исторической антропологии, стало ознакомление Гуревича с трудами французской исторической школы «Анналов», появившейся в 1929 году, благодаря её основателям Люсьену Февру (1878–1956) и Марку Блоку (1886–1942). Данное знакомство, помимо подтверждения правильности выбранного направления преобразования социальной истории, привнесло новые понятия и термины, которые в будущем легли в основу понятийного аппарата этого направления, хотя и с собственным выработанным пониманием их Ароном Яковлевичем Гуревичем.

Говоря о том, что какое-либо направление

или школа являются истоком, мы предполагаем, что определённая часть их теоретического базиса и изысканий ложится в основу принимающего образования. Роль, которую сыграли «Анналы» в 60-х гг. в становлении школы Гуревича очень трудно переоценить. Влияние «Анналов» привело к тому, что отечественной исторической антропологией был воспринят понятийный аппарат, который структурировал и упорядочил первоначальные поиски Арона Яковлевича в области социально-культурного исследования истории.

Кроме того, в основу исторической антропологии легла и большая часть парадигматических и методологических установок французской школы «Анналов». Многие из воспринятого было доработано и переработано, на основании чего появлялись собственные открытия и нововведения. Убедительным результатом таких открытий явилась, например, книга Гуревича «Категории средневековой культуры», вышедшая в 1972 году, которая принесла её автору мировую славу и известность. В этой книге исследуются универсальные категории культуры (время, пространство, жизнь, смерть, богатство...), которые, кристаллизуясь из практического опыта человека, начинают сами определять его сознание.

Определённый набор таких универсальных категорий, присущих каждому народу, и различная степень акцентуализации на разных категориях образует «сетку координат» или, как называет её Гуревич — «картину мира». Посредством такой «модели мира» человек воспринимает действительность, переводит её данные во внутренний опыт, на основании чего выстраивается собственное мировоззрение, теоретические и идейные конструкции.

Реконструкция картин мира, социально-психологический характер методологии новой истории, тотальность исторического синтеза и исследования являются лишь немногими из главных задач исторической антропологии, истоки которых можно найти в основных парадигматических и методологических основаниях школы «Анналов». Чтобы не быть голословной, приведу основной их перечень.

1. «Первая методологическая парадигма «Анналов» есть парадигма глобальной, или тотальной истории. В отличие от большей части предшествующих концепций, «Анналы» стоят за расширение временных и пространственных рамок исторических исследований, чтобы они могли вместить все возможные формы существования и проявления человеческого фактора во времени, причём эти формы также рассматриваются в тотальной перспективе. ... Итак, речь идёт об истории, которая продолжает сохранять дух глобального видения, пытаясь всё время «воссоздать целое» [4].

2. «... вторая парадигма «Анналов» является парадигмой проблемной истории. Она требует осознания трудностей, связанных с отношением историка к объекту его изучения, с обязательными искажениями и деформациями, вводимыми этим сложным отношением. История предстаёт перед историком как сложный комплекс разных фактов и элементов, которые предстоит расшифровать и которые, изначально заключая в себе то или иное превратное видение прошлого, нуждаются в реконструировании, истолковании, исторической интерпретации. «Значение» же факта или явления не является единственным и очевидным, и настоящая работа исследователя состоит именно в том, чтобы более или менее объективно восстановить реальное значение исторических феноменов...» [4] (что может

быть адекватно сделано только в рамках глобальной истории).

NB. Историческая реконструкция выявляет в историческом процессе синхронные срезы и делает акценты на:

А. «систематичность и полноту использования источников, относящихся к изучаемому периоду;

Б. прямое отсутствие объекта интерпретации, который должен возникнуть только в конце фактографического этапа;

В. зависимости теоретических обобщений от имеющихся источников» [5].

Этапы исторической реконструкции заключаются в следующем:

А. условие материального существования (например, человек физический);

Б. средство познания (человек психический);

В. социальная среда (классовые и семейно-групповые отношения);

Г. повседневные занятия (профессия, развлечения);

Д. духовная деятельность (искусство, наука, религия);

Е. формы социального и духовного эскапизма (бродяжничество, мистика, самоубийство).

Результатом исторической реконструкции является картина мира изучаемой эпохи.

3. «Третья методологическая установка прямо вытекает из двух предыдущих и провозглашает необходимость понимания истории как науки открытой, постоянно находящейся в процессе становления. В самом деле, история в глобальном измерении, сталкивающаяся в своём стремлении к объективности с теми огромными трудностями, которые связаны с её проблемным характером, может быть понята только как наука в развитии, которая постоянно уточняет свои представления о структуре своего предмета, о характере своих методов, технических приёмов и результатов» [4].

4. Парадигма сложной или мультидетерминированной истории. «Высказываясь в явно полемическом плане о невозможности априорного выделения одного или нескольких факторов в качестве детерминантов исторического процесса, «Анналы» склоняются к известному «релятивизму», означающему возможность всё время заново открывать, какие факторы в данном периоде или по отношению к данному феномену являются определяющими, какова иерархия между ними, ибо ответы на эти вопросы изменчивы и аргіогу неопределённые в каждой анализируемой ситуации. Отказываясь, таким образом, отстаивать какой-либо детерминизм или какую-либо иерархию фактов аргіогу, «Анналы», естественно, воздерживаются от суждений о том, какие законы управляют историческим процессом» [4].

5. Полидисциплинарность исследования, позволяющая высветить множество аспектов истории и увидеть её во всей многоликости и всеохватности. Сочетание методологий различных дисциплин создаёт множество проблем, хотя, с другой стороны, открывает не меньшее количество перспектив и возможностей исторического исследования [5].

6. Обобщённое представление об эпохе складывается в единую психологическую матрицу или видение мира, которая нигде не оформлена, содержится в общих установках к окружению и представлениях о нём. «Генерализованные черты мировидения погружены в ещё более аморфную массу эмоций, представлений и образов, которая называется ментальностью» [6]. Неопределённость этого термина

так же делает его пластичным и продуктивным, с точки зрения его создателей.

Подводя итог данной статьи, отметим, что хотя школа «Анналов» оказала несомненное влияние на отечественную историческую антропологию и во многом определила её сущность и направление, всё же школа А.Я. Гуревича имеет собственные неповторимые черты и пути развития.

1. Гуревич А.Я. Социальная история и историческая наука // Вопросы философии. 1990. □4. С. 32.

2. Гуревич А.Я. «Одиссею» — 10 лет // Одиссей. 1998. М., 1998. С. 5.

3. Гуревич А.Я. От истории ментальности к историческому синтезу. С. 20. // Споры о главном: Дискуссии о настоящем и будущем исторической науки вокруг французской школы «Анналов». — М.: 1993. — 208 с.

4. Агирре Рохас К.А. «Анналы» и марксизм (Десять тезисов об исторических парадигмах). С. 103-106. // Споры о главном... — М.: 1993. — 203 с.

5. Шкуратов В.А. Историческая психология. — М.: Смысл. 1997. — 505 с. С. 87.

6. Там же, с.119.

ВОЙНА ПОЛОВ — МУЖСКИЕ ИГРЫ

И.П. Малинова

Малинова Изабелла Павловна — доктор философских наук, профессор, декан факультета магистерской подготовки УрГЮА.

«Красота спасет мир». — И весьма возможно, что мужская. Если, конечно, принять за аксиому, что красота — это неагрессивный способ завоевания. Женская красота на поприще нравственного спасения мира потерпела поражение. Обнажившись и став предметом массового тиражирования, она упустила свои шансы в селекции моногамных мужчин — искусственно выведенного в Европе вида, определяющего демографическое благополучие цивилизации, строящейся на принципе равенства полов.

Мужчине необходим риск, конфликт, состязание и завоевание. И поскольку цивилизованное существование дает мало возможностей для реализации прямой агрессии, мужской социум продублировал все технологии агрессии в спорте. Тысячелетия длящаяся война полов также нашла свое спортивно-состязательное выражение. В XX веке любовь начала приобретать черты, присущие спорту, публичному действию, в основе которого лежит древний принцип потлача — бахвальства (в данном случае — сексуального). В результате война полов стремительно стала переходить из затянувшейся стадии борьбы за прекрасную даму в стадию борьбы с дамами вообще — прекрасными и не очень — сразу

по двум фронтам. Первый из которых — борьба за эмансипацию мужчины от тенет моногамии; второй — борьба против женской экспансии в политику и управление.

Идея первого фронта, в общем, понятна: западная цивилизация слишком закрепила мужчину в институтах моногамии, и он, совершенно интуитивно, создал культ женской красоты как публичного достояния. (Не зря же в мусульманском мире все наоборот: полигамный брак и жесточайший запрет на демонстрацию женского тела).

Западная цивилизация в XX веке создала целую мифологию недетородной, безбрачной сексуальности, лежащую в основе шоу-бизнеса, рекламы, постмодернистской гендерной идеологии: женщина — сексуальная игрушка (не мать, не жена) и мужчина — боец, делец, охотник, плейбой (не муж, не отец). При этом определенность пола и половой самоидентификации приобрела карнавальную характер. В этой веселой нарциссистской мифологии люди поют, пляшут, пьют, дерутся, убивают, совокупляются, меняют пол, не забывая при этом об идеалах свободного мира и их универсальном эквиваленте — деньгах. Эта мифология продержалась несколько десятилетий, стубила несколько поколений и обрела неуязвимость, распавшись на множество мифологем, вошедших в архетипический, базовый уровень культуры.

Ренессанс семьи и детородной сексуальности степенно снизошел в этот девиантно-мифологический бедлам в пенном покрывале «мыльных опер». Мифология моногамного брака обрела второе дыхание за счет крайней авантюристичности и фантазийности его протекания — в сочетании с идеей респектабельности и незыблемости клановых связей. Роковая любовь, внебрачные дети, случайный инцест, потеря памяти, утрата и обретение капиталов, ревность и страсть в почтенном возрасте — и все это в Семье, в Браке.

На горизонтах развития человеческой цивилизации западного типа забрезжила идея смены гендерных приоритетов. Предсказания грядущего доминирования женского начала в развитии цивилизации (если отвлечься от их радикальных вариантов) прочитываются двояко. Во-первых, как идея женской экспансии (на паритетных с мужчинами началах) в сферы власти и управления — экспансии умеренной, не содержащей